

УДК 94(47+57)"15"

ЮЖНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ НА РУБЕЖЕ 60–70-х гг. XVI в.¹

© Олег Владимирович СКОБЕЛКИН

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
 Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент,
 доцент кафедры истории России, e-mail: olegskob@mail.ru

В статье формулируются основные условия возникновения фронта в России в XVI–XVII вв., выделяются признаки южного фронта. В качестве основного признака принадлежности той или иной территории к южному фронту в последней трети XVI в. предлагается считать участие населения в сторожевой службе на юге страны. На основе анализа «Сторожевой книги» реконструируется состав территорий, входивших в южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в.

Ключевые слова: южный фронт; Россия; XVI век; сторожевая служба.

Со времени образования Московского государства и, тем более, после присоединения к нему земель Рязанского княжества и Северской земли вдоль южной границы страны возникла территория, имеющая ряд принципиальных отличий от основной территории государства. Как уже не раз отмечали исследователи, в источниках XVI в. отдельные ее части называются по-разному: «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украины»; позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города» (см.: [1, с. 20-21]); а еще позже, с возведением Белгородской черты, составители документов в качестве географического «репера» начали использовать понятие «черта» – города «на черте», города «в черте».

Несмотря на эту пестроту терминологии, имеющиеся источники последней трети XVI в. (к сожалению, весьма немногочисленные) оставляют стойкое впечатление, что современники (или, по крайней мере, составители соответствующих документов) воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Особенно это заметно в тех случаях, когда решались проблемы противостояния татарской и ногайской угрозе. Однако единого термина для обозначения этой территории не было. Эта особенность – отсутствие обобщающих терминов в русской правовой и делопроизводственной традиции XVI–

XVII вв. – также отмечалась не раз (см.: [2, с. 77-78; 3, с. 59]).

Такая ситуация создает трудности как для исследователя, так и для его читателя. С одной стороны, использование ряда упомянутых терминов эпохи неминуемо требует от исследователя каждый раз оговаривать, о какой конкретно территории идет речь, поскольку по мере продвижения границы на юг один и тот же термин в разное время мог обозначать разный «набор» уездов. Что же касается локальных терминов (например, «северские города»), то их в принципе невозможно применять для обозначения всей приграничной территории. С другой стороны, весьма специфические названия – «польские города», «украинные города» – понятны лишь узкому кругу сугубых специалистов. Еще М.Н. Тихомиров, а вслед за ним В.П. Загорский отмечали, что неискушенный читатель (заметим, что, как показал опыт, к ним относятся и профессиональные историки, не связанные с сюжетами XVI–XVII вв.) склонен связывать эти понятия с Польшей, а не с Полем, и с Украиной, а не с южной окраиной русского государства [1, с. 19; 4, с. 379].

В то же время все перечисленные термины использовались исключительно для юга России, в то время как подобные приграничные регионы существовали в XVI–XVII вв., как минимум, еще в одной части страны – в Сибири. Но в документах, связанных с сибирской территорией Московского государства, указанная терминология, разумеется, не употреблялась.

Помимо терминов источников в литературе принято употреблять понятия, введен-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

ные историками: «порубежье», «пограничные уезды», «приграничные уезды». Однако они, на наш взгляд, также недостаточно корректны в силу некоторой расплывчатости. Совершенно ясно, что территория, которую обозначают этими терминами, примыкает к границе. В буквальном смысле – это те уезды, у которых хотя бы часть границы совпадает с границей государства. Однако на практике исследователи называют те уезды, которые граничат с собственно пограничными уездами, а иногда относят сюда и более дальние уезды. Таким образом, остается вопрос: как далеко от границы заканчивается территория, обозначаемая указанными терминами?

Кроме того, эти термины, во-первых, слишком нейтральны и не подразумевают какой-либо специфики (кроме близости к границе) региона, о котором идет речь: приграничные уезды на западе России и таковые на юге кроме своей «приграничности» не имели, кажется, ничего общего. Во-вторых, они не вполне применимы к Сибири, где на протяжении большей части рассматриваемого периода трудно говорить о какой-либо единой границе государства.

Все это приводит нас к необходимости привнесения в терминологию понятия, которого нет в источниках, и которое бы отражало, во-первых, ту специфику приграничных регионов, которая явно или неявно осознавалась современниками, а во-вторых, те сходные специфические черты, которые выявлены исследователями применительно к разным приграничным регионам. Такой термин сравнительно недавно был введен в лексику российских исследователей и уже получил довольно широкое хождение; это – «фронтир».

Поскольку воспринят он был, прежде всего, от американской историографии (хотя перенос этого концепта на территорию Евразии был осуществлен в зарубежной историографии еще в 50–60-х гг. XX в.), то вполне естественно, что в отечественной исторической науке к нему обратились исследователи того региона, который в большей степени, чем другие, был похож на осваиваемый Дикий Запад – Сибири. Свидетельством тому служит проведение в 1996 г. в Томске международной конференции под названием «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)» и публикация материалов этой

конференции в 1997 г. [5], а также многочисленные последующие публикации [6; 7]. Началось использование концепта фронттира и для других регионов страны применительно к различным периодам истории.

Что касается юга России, то, по-видимому, впервые (в самом общем виде) идея фронттира для этого региона была предложена А. Каппелером в 2001 г. (на русском языке опубликовано в 2003 г.) [8]. Из отечественных исследователей на то, что южнорусские уезды можно рассматривать в рамках концепта фронттира, впервые, кажется, обратили внимание Ю.А. Мизис и С.Г. Кашенко [9].

Естественно, что внедрение нового термина, изначально описывающего явление, находившееся на другом континенте; термина, позаимствованного у зарубежной историографии (где он трактуется, подчас, по-разному) – с неизбежностью приводит к тому, что разные исследователи или группы исследователей вкладывают в него различное наполнение. Поскольку историографический анализ не является целью настоящей статьи, отметим лишь, что беглое знакомство с имеющимися отечественными работами по фронттиру оставляет впечатление, что авторы едины лишь в одном: территория любого фронттира, в силу своей специфики, принципиально отличается от остальной территории государства. А вот что можно отнести к этой специфике – здесь высказываются самые различные мнения; причем как с опорой на зарубежных предшественников, так и без нее.

Новизна термина «фронтир» с неизбежностью требует некоего, скорее всего весьма долгого, периода времени, в течение которого научное сообщество будет продолжать усваивать этот термин, «примеривать» его к различным регионам и эпохам, «договариваться» о его семантике. Применительно к последнему, попытаемся сформулировать свое понимание термина как в общем значении, так и применительно к югу России.

Представляется, что под фронттиром следует понимать территорию на окраине государства, которая возникает и существует при следующих условиях:

– отсутствие на сопредельной территории государства-соседа, т. е. сопредельная территория не является чьей-либо государственной территорией;

- в силу этого граница, вдоль которой формируется фронт, является весьма условной, ее демаркация не проводилась;

- население сопредельной территории принадлежит к иной цивилизации, находящейся на догосударственной стадии социального развития и/или на более низкой стадии развития техники и технологии;

- в силу отсутствия четко определенной границы и военно-технической слабости населения сопредельной территории данная территория постепенно захватывается государством, условная граница государства постоянно отодвигается, и вместе с ней движется и фронт: территории, присоединенные раньше, теряют свою пограничную специфику, превращаются в часть основной территории государства – т. е. перестают быть фронтом, а фронтом становятся недавно присоединенные территории;

- это, в свою очередь, приводит к вооруженным конфликтам с населением сопредельной территории; наличие постоянной военной опасности – одна из основных черт фронта;

- район фронта является районом колонизации; новое население ведет активную экономическую деятельность по освоению присоединенной территории; при этом характер этой деятельности, как правило, принципиально отличается от таковой аборигенов.

Разумеется, приведенный перечень условий и признаков никоим образом не может считаться исчерпывающим, однако, на наш взгляд, все вышеперечисленное является необходимым условием возникновения фронта.

Что касается особенностей южного фронта России, то его отличительными чертами в первые два столетия его существования были следующие:

- присоединяемой к России и колонизируемой территорией было Поле, где не было аборигенного населения; его роль в известном смысле играли крымские и, отчасти, ногайские татары, чьи набеги были решающим фактором в формировании специфики южного фронта;

- наличие вольного русского населения, не входящего в социальную структуру страны; тенденция к уменьшению и постепенному исчезновению этого населения;

- для XVII в. (поскольку для XVI в. имеющиеся немногочисленные источники не позволяют хоть сколько-нибудь достоверно реконструировать социальную структуру населения):

- преобладание служилого населения над прочими категориями;

- абсолютное преобладание среди служилого населения людей самых низших чинов;

- преобладание мелкопоместных и беспоместных служилых людей среди всей массы служилого населения;

- социальная мобильность, невозможная на основной территории государства;

- район фронта является местом ссылки за различные правонарушения, в силу чего можно, по-видимому, говорить о наличии среди населения (главным образом, служилого) большей доли лиц, склонных к девиантному поведению, нежели на остальной территории страны (характерно не только для южного фронта).

Кроме того, в последней трети XVI в. (и какое-то время в XVII в.) важнейшей характеристикой особенностью южного фронта было наличие системы сторожевой службы. Более того, на наш взгляд, именно участие населения той или иной территории в сторожевой службе может служить критерием отнесения того или иного уезда к южному фронту.

Чтобы попытаться определить географический «состав» южного фронта, обратимся к т. н. «Сторожевой книге» (далее по тексту – СК) – источнику, опубликованному более ста двадцати лет назад в I-м томе «Актов Московского государства»; источнику, к которому исследователи обращались не раз, но до сих пор далеко не вся содержащаяся в нем информация освоена. Сразу следует оговорить и одну из особенностей этой публикации: заголовки документов, данные публикаторами часто неточны, а иногда и неверны.

В самом первом документе СК, в котором говорится о возложении 1 января 1571 г. Иваном Грозным на кн. М.И. Воротынского обязанности «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полские службы», перечисляются первые действия Воротынского на новом посту, среди которых было распоряжение руководителям Разряда «доискаться станичных прежних списков». Из последующего текста СК видно, как руководство Разряда и М.И. Воротынский (а шире –

московское правительство) представляли себе район, который можно считать южным фронтиром России, к началу 1571 г.

Как известно, в Москву были вызваны непосредственные участники сторожевой службы, включая, так сказать, ветеранов: «А в городы в Путивль, и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру и в иные в украинные городы, и в Северу по детей по боярских, по писменных по станичных голов и по их товарищев, по станичников и по станичных вожей, и по сторожей, которые ездят из Путивля, и с Тулы, и с Рязани, и из Мещеры, и из иных украинных городов, и из Северы в станицах на поле к розным урочищам, и которые прежде езживали лет за десять или за пятнадцать, а велел им всем быти к Москве <...> А которые станичные головы и станичники, и сторожи из украинных городов посылают их воеводы в станицах на поле от полков, и по тех велел послати грамоты к наместникам и к осадным головам, чтоб они, сыскав тех станичных голов и станичников, и вожей и сторожей, прислали к Москве <...> Да и того осадным и станичным головам и станичником, и месячным сторожем велел сыскивати: которые будет дети боярские в станицы и на сторожи и не ездят за старость и за увечья или за которое иное дело, а наперед того в станицах и на сторожи езживали, или будет которые дети боярские, станичные головы, и станичники и сторожи и в полону были, а ныне из полону вышли, и тех всех, сыскав, велел прислати к Москве <...>» [10, с. 1].

Судя по этому тексту, в Москве полагали, что до января 1571 г. сторожевая служба на юге страны существовала, как минимум, на протяжении 15-ти лет¹ и в ней были задействованы служилые люди следующих уездов и регионов – Путивльского, Рязанского, Тульского, Мещеры и «Северы» (которую исследователи обычно именуют Северщиной). Остальная территория указана неопределенно: «иные украинные городы».

С определением точного состава этих городов есть определенные трудности. Точная дата составления СК пока не установлена. Самый последний документ, помещен-

ный в нее, относится к 9 апреля 1595 г. Следовательно, она могла быть создана скорее всего не ранее этой даты. Кроме того, надо иметь в виду, что в ходе работы переписчики сокращали тексты документов, пересказывали лишь основные положения тех или иных распоряжений, добавляя что-то при этом и от себя. Прочитанный выше документ не является оригиналом; оригинал послужил лишь основой для внесения записи в СК и, следовательно, скорее всего редактировался при составлении записи. Теоретически вполне возможно, что в оригинальном документе был полный перечень городов, из которых надлежало вызвать служилых людей, задействованных в сторожевой службе, но составители книги этот перечень заменили оборотом «иные украинные городы». Однако в этом случае понимание того, что такое «украинные городы», в 90-х гг. XVI в. могло отличаться от понимания этого термина в начале 1570-х гг. Тем не менее, полагаем возможным считать, что в данном случае мы имеем дело с «украинными городами» именно начала 1570-х гг.

Для того чтобы уяснить, какие именно города Разряд включал в эту категорию, следует обратиться к синхронным записям разрядных книг. Обобщение записей Разрядной книги 1475–1605 гг. за 1569, 1569–1570 и 1571 гг. показывает, что к «украинным городам» Разряд на рубеже 60–70-х гг. XVI в. относил 22 города: Болхов, Брянск, Данков, Дедилов, Карачев, Крапивну, Мценск, Новгородок-Северский, Новосиль, Орел, Плову и Солову, Почеп, Путивль, Рославль, Рыльск, Рязань, Стародуб, Тулу, Чернигов и Шацк [12].

Однако остается неясным, все ли эти города принимали участие в сторожевой службе на юге до 1571 г. С абсолютной уверенностью можно утверждать лишь о нескольких городах. Данные об этом содержатся в последующих записях СК; в ряде списков сторож по городам есть указания на упраздненные сторожи, которые существовали до 1571 г., но в ходе реорганизации сторожевой службы ликвидировались, переносились на другое место или на них заменялся состав сторожей. Так, боярским приговором от 18 февраля 1571 г. предписывалось: «которые были рязанские месячные сторожи ездили на Сосенские и Кадомские сторожи, и тем рязанским месячным сторожем вперед на сторожи не

¹ По мнению В.П. Загорского, сторожевая служба на Поле берет свое начало за 30 лет до назначения Воротынского, с 1541 г., когда по распоряжению из Москвы из Путивля была направлена станица Гаврилы Толмача «на поле поперег дороге» [11, с. 81].

ездити, а ездити на те сторожи казаком из всех украинских городов по росписи, из которых городов к которым местом ближе и податнее, опричь донковских казаков <...> А сторожем рязанским служити рядовая служба <...>» [10, с. 5]. Упоминаются рязанские станицы (вместе с тульскими станицами) и в записи о прекращении компенсирования служебных проторей убытков: «А которые станицы ездили с Рязани и с Тулы, тем, приговорили бояре, проезжаго не давати и изрону не платити, для того что они приезжали к государю с ложными вестми» [10, с. 7]. В росписи донецких сторож, комплектовавшихся за счет путивлян и рылян, под № 7 названа Айдарская сторожа, «и та сторожа по княж Михайлову дозору Тюфякина да диака Ржевского в 79 году отставлена, потому что на тое сторожу ни большие, ни малые воинские люди не ходят, пришли крепости великие» [10, с. 8]. Таким образом, Путивль и Рыльск были задействованы в сторожевой службе и до 1571 г. То же касается и Мценска, чья «3-я сторожа была на Неручи усть Озерене от Мценска сорок верст, и та сторожа отставлена» [10, с. 10]. В ходе реорганизации были перенесены или ликвидированы несколько сторож, которые выставляли Орел и Карачев, а также была ликвидирован одна из сторож Рязска – «ниже Торбеева до Ромня городища сторожем стояти не надобет, потому пришли леса большие, озера и болота» [10, с. 11-12]. Таким образом, записи в СК впрямую говорят об участии в сторожевой службе до 1571 г. лишь Карачева, Орла, Путивля, Рыльска, Рязска, Рязани и Тулы. Однако в качестве рабочей гипотезы можно, на наш взгляд, считать, что все «украинные города» рубежа 60–70-х гг. XVI в. принимали участие в комплектовании сторож и станиц, и, следовательно, соответствующие уезды и территории и составляли южный фронт России до реорганизации сторожевой службы в 1571 г.

Целая цепь решений, принятых зимой-весной 1571 г. изменила состав уездов и территорий, участвовавших в сторожевой службе на юге. Если обобщить данные различных росписей СК этого периода, то список участников сторожевой службы будет следующим: Алатырь, Данков, Дедилов, Епифань, Кадом, Казань, Карачев, Крапивна, Михайлов, Мценск, Новгородок-Северский, Ново-

силь, Орел, Почеп, Пронск, Путивль, Рыльск, Рязск, Свяжск, Темников, Шацк [10, с. 12-17]; итого 21 город.

Если сравнить этот перечень с приведенным выше перечнем украинских городов, то обнаружатся значительные несовпадения: 8 городов, которые не упоминаются среди украинских городов в разрядной книге, есть в перечне, составленном нами по СК (Алатырь, Епифань, Кадом, Казань, Михайлов, Пронск, Свяжск, Темников), а 9 городов, названных в разрядной книге в числе украинских, не упоминаются в записях СК зимы-весны 1571 г. (Болхов, Брянск, Плова и Солова, Рославль, Рязань, Стародуб, Тула, Чернигов).

Что касается городов, которые не названы в разрядной книге в 1569–1571 гг., то для части из них это связано скорее всего с тем, что в эти годы туда не производились назначения, фиксировавшиеся в разрядах (Епифань, Михайлов и Пронск). Алатырь, Кадом и Темников относились не к украинным городам, а к «Мещере», и запись в СК о вызове сторожей и станичников из Мещеры скорее всего подразумевала именно эти города.

Что же касается Казани и Свяжска, то в СК они значатся как участники сторожевой службы на юге лишь в записях начала 1571 г. о т. н. «стоялых головах на Поле». Первый из четырех таких постов учреждался «на Волге под Караманским лесом», «и от тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшскаго города, а проезду днища с четыре, а на подол к Волге до верх Бolkлея, а проезду днища с три или меньше»; среди 135-ти человек, находившихся в распоряжение головы, должны были быть «из Казани да из Свяжскаго десять человек детей боярских, тридцать человек татар и чуваш <...> А голов выбирать под Караманский лес воеводам из казанских и из свяжских жильцов детей боярских добрых» [10, с. 6-7]. Иными словами, в самом начале реорганизации сторожевой службы в состав южного фронта был включен небольшой волжский участок, а служилые люди двух поволжских уездов должны были входить в общую систему сторожевой службе на юге. Однако в дальнейшем от этой идеи, по-видимому, отказались: записи СК после 1571 г. уже не упоминают об этом.

Говоря о СК, следует иметь в виду, что скорее всего далеко не все документы, касающиеся сторожевой службы, вошли в нее.

По-видимому, именно этим можно объяснить отсутствие в записях 1571 г. Болхова, Брянска, Пловы и Соловы, Рязани, Стародуба и Тулы; судя по записям последующих годов, все они (по нашему предположению, как и до 1571 г.) были участниками сторожевой службы. Только Рославль и Чернигов, которые в разрядной книге значатся среди украинских городов, не упоминаются ни в одном документе СК. Были ли они исключены из системы сторожевой службы на юге в ходе ее реорганизации или же и до 1571 г. эти города не посылали на юг сторож и станиц – пока сказать трудно.

Без учета Казани и Свияжска, Рославля и Чернигова перечень из 26-ти городов, чьи уезды и округа образовывали южный фронт на рубеже 60–70-х гг. XVI в. будет выглядеть следующим образом: Алатырь, Болхов, Брянск, Данков, Деделов, Епифань, Кадом, Карачев, Крапивна, Михайлов, Мценск, Новгородок-Северский, Новосиль, Орел, Плова и Солова, Почеп, Пронск, Путивль, Рыльск, Рязск, Рязань, Стародуб, Темников, Тула, Шацк.

На протяжении последующих полутора десятилетий принципиальных изменений на юге страны, по-видимому, не происходило. Ситуация изменилась в 1585–1586 гг.: основание в 1585–1586 гг. Воронежа и Ливен – первых двух городов на территории Поля – открывает новую страницу в истории южного фронта России. Появление все большего числа «польских» городов, означавшее продвижение территории государства дальше на юг, меняло и конфигурацию фронта, и состав уездов и территорий, входивших в него. Однако еще достаточно долго участие тех или иных городов в сторожевой службе на южном направлении будет одним из главных факторов, определяющих их принадлежность к региону южного фронта.

1. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
2. *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2011. Вып. 18.
3. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2013. № 1.
4. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
5. Американские исследования в Сибири. 1996. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: Материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». Томск, 1997.
6. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1-3.
7. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
8. *Канпелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47-64.
9. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.
10. Акты Московского государства. Спб., 1890. Т. 1.
11. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
12. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2.

Поступила в редакцию 14.08.2013 г.

UDC 94(47+57)"15"

SOUTHERN FRONTIER OF RUSSIA AT THE EDGE OF 1560–1570S

Oleg Vladimirovich SKOBELKIN, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: olegskob@mail.ru

The main conditions of Russian frontier creation in 16th and 17th centuries are defined in the article, and the attributes of the Southern frontier are specified. For the last third of 16th century the participation of the region inhabitants in watchman service at the southern borders of Russia is proposed as the main attribute of being some region a part of the Southern frontier. The list of territories that belonged to the Southern frontier of Russia at the edge of 1560–1570s is reconstructed, based on 'Watchman book' (Storozhevaya kniga) analysis.

Key words: Southern frontier; Russia; 16th century; watchman service.